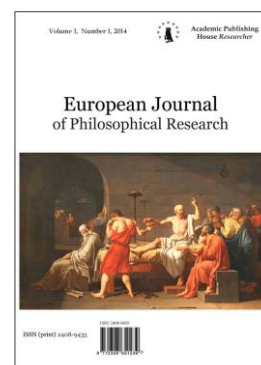

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2019, 6(1): 77-93

DOI: 10.13187/ejpr.2019.1.77
www.ejournal17.com

The Welfare State: from the Imperfect Present to the Accomplished Future (Experience of Critical Reflection)

Yury M. Reznik^{a, *}

^aInstitute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Social state appears in the conditions of capitalism in order to smooth class contradictions and support the poor. The aim of the study is to substantiate the cognitive and design capabilities of the reflexive – critical approach to the understanding of the state as an ideal and reality. The author argues that social is not only the state that protects the interests of people in difficult situations, but also that seeks to maintain a balance between different groups, working towards national harmony and creating equitable conditions for the free development of each person, regardless of his social affiliation.

The article gives the substantiation of the critical theory as a tool for the analysis of the social state. It is presented by the author as a form of theoretical self-reflection, a kind of revolutionary practice, research activities (analytical modeling) and design. The last two forms are associated with the construction of different "critical models" of the social state, differing orientation to the past/present or future. Depending on the nature of the problems to be solved, the author identifies three main types of social statehood: the minimalist state, the state with a developed system of social protection (or the welfare state), the state of personal well-being. Each of them has its own critical model, focused either on the past/present or the future. In this case, the specified time coordinates are supplemented by the categories of perfect and imperfect, expressing different (respectively – high and low) degree of human emancipation.

The author presents the criticism of the really functioning social state by the leading social theorists in two analytical versions: the anti-system criticism of the Social state, which reveals the systemic contradictions of capitalism, its social and existential critique of the life of the world, and the meaning of its life-oriented interests.

Further, the author, relying on the critical analysis of the social state, and a number of variants of its critical modeling in the conditions of the Russian reality, offers Two options: a critical analysis of the imperfect present (the minimalist state, which has developed in modern Russia), and the system of restrictions (the orientation of the living state, and the critical model of the imperfect future (the protecting state). In the first case, the author uses the experience of anti-system and existential criticism, and in the second – his vision of the state with a developed system of social protection as a project of imperfect future, which will inevitably be replaced by a better future (the state of personal well-being).

However, "old" diseases stand in the way of further development of the social state in Russia (bureaucratic arbitrariness, disregard of constitutional principles and norms, non-observance and

* Corresponding author
E-mail addresses: reznik-um@mail.ru (Y.M. Reznik)

curtailment of social rights of the majority of citizens, growth of social and economic inequality, value conflict between the main groups, etc.). The Russian project of the social state is based on the critical model of imperfect future (protecting state), which has become imperfect present and even past for many developed countries. In conclusion, the author offers a specific list of steps that are designed to accelerate the transition to a new model of social statehood through a breakthrough in the sphere of transcendent ("higher" meanings of life) and the establishment of a harmonious social world that replaces class compromises and games of anonymous social forces.

Keywords: capitalism, social state, types of social statehood, critical theory, critical model, social problem, analytical modeling, project modeling, existential criticism, anti-system criticism, system world, life world, practices, communications, time coordinates (past, present and future), categories of perfect and imperfect, human emancipation.

Введение

Социальное государство возникает как инструмент сглаживания классовых противоречий капитализма, а в современных условиях продолжает выступать как форма его политической самокоррекции. Сформулированные еще Л. Штейном идеи, принципы и функции такого государства оказались актуальными и сегодня. В основе его деятельности лежит защита интересов большинства, обеспечение их социальных прав путем перераспределения собственности и доходов в пользу малоимущих слоев населения. Пытаясь разрешить острейшие классовые противоречия, социальное государство проходит в своём развитии несколько стадий: от минималистской модели к государству всеобщего благоденствия и далее – к поиску новых моделей. На этот путь уже давно стали государства Западной Европы, которые во имя укрепления собственной безопасности существенно расширили спектр социальных услуг, реализуя помимо ограничительной и обеспечительной функций еще и гарантирующую функцию.

Однако гуманистический потенциал такого государства (создание условий для развития человека и его достойной жизни) пока не реализован в полной мере, о чем свидетельствует процесс его становления в современной России. Опыт показывает, что такое государство, будучи классовым компромиссом, успешно развивается лишь при опоре на институты гражданского общества, которые вовлекают людей в различные формы самоорганизации. Кроме того, перед российской государственностью стоит еще одна комплексная задача – введение прямого действия соответствующего конституционного принципа, развитие социальной демократии и стимулирование крупного бизнеса к более масштабному участию в программах социальной поддержки населения.

Таким образом, между идеалом социального государства (свободное развитие человека) и реальностью его воплощения (обеспечение прожиточного минимума) оказалась значительная дистанция, преодолеть которую не всегда удается посредством социальных реформ. Поэтому современное социальное государство (в России и странах Европы) переживает острейший кризис. Нужны более радикальные шаги в переустройстве общества и преодолении социально-экономического неравенства различных групп.

В этих условиях глобальный капитализм оказался перед историческим выбором: продолжить своё «победное» шествие по планете, усиливая репрессивную направленность своих институтов и порождая цепь разрушительных последствий, или же, не ограничиваясь самокоррекцией, стать на путь фундаментальной перестройки основ своего существования. А это чревато в свою очередь новым кризисом социального государства.

Следовательно, социальное государство появилось в результате компромисса между классами и их политическими партиями, вобрав в себя некоторые лучшие черты двух исторически существующих общественных систем (капитализма и социализма). От капитализма оно восприняло идею «организации на началах свободы», принципы «социальной рыночной экономики» и гражданской ответственности. А от реального социализма – идею планирования и коллективного участия, обеспечение социального минимума (полная трудовая занятость и восьмичасовой рабочий день, единая пенсионная система, минимальные зарплаты, социальная помощь малоимущим).

В любом случае социальное государство как политический феномен и программа деятельности не выходит за пределы капиталистического строя, выступая в лучшем случае его самокоррекцией или усовершенствованной версией. Истоки многих социальных проблем

не выявляются, а загоняются вглубь (например, камерализм как политика изоляции бедности и маскировки нищеты). Будучи по своей сути институционализированным классовым (или точнее – межклассовым) компромиссом и «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма» (Ю. Хабермас), оно проходит в своей эволюции разные стадии, зависящие от конкретной модели капиталистической системы и условий её развития.

В завершении приведу своё определение. В моём понимании *социальное государство – это государство капиталистического типа, которое наряду с правовым государством возникает как инструмент сглаживания противоречий между правящими классами и классом рабочих (и в целом немущих), прежде всего, в сфере труда и занятости, и в дальнейшем берет на себя функции защиты интересов большинства и, опираясь на право каждого человека на достойную жизнь и принцип справедливого распределения доходов, развивается в направлении самоорганизации людей в рамках гражданского общества для решения проблем саморазвития человека как свободной и творческой личности.*

Основное содержание

Насколько социальное государство социально? Вопрос не праздный. О том, что социальное государство имеет классовую природу и является буржуазным по сути, написано много. Мне представляется, чтобы понять, что такое социальное государство, необходимо уточнить вначале один из самых распространенных в научной литературе термин – «социальное». Кстати, у него имеются свои противники.

Одним из самых ярких противников термина «социальный» и его научного употребления был Л. фон Хайек*. «Социальный» – слово-ласка. Существительное «общество» («социум») относительно безобидно по сравнению с прилагательным «социальное» («общественное»), которое, вероятно, стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике» (Хайек, 1992). Так вот, подобно зверьку ласке социальное выедает, как из яйца, содержимое основного термина. В нашем случае речь идет о государстве. Государство, которое называется социальным, перестает быть государством в его традиционном понимании*. Оно становится социальным, но теряет во многом свою изначальную основу.

Следует признать, что в идеале любое государство должно заботиться о своих гражданах больше, чем о своём собственном благополучии. Об этом писали многие мыслители прошлого (Аристотель, Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Гегель и др.). Но чем тогда отличается социальное государство от всех прежних типов государственности? Только тем, что оно проводит сильную социальную политику и стремится преодолеть социально-экономическое неравенство? Конечно, нет. Такую политику проводило и советское государство, хотя можно спорить о том, насколько оно было (или не было) социальным. Как известно, социальное характеризует отношения между людьми как представителями разных классов и групп, которые возникают в связи с различиями (или сходством) в условиях и образе их жизнедеятельности. Оно охватывает «интегральные» и «сквозные» связи между людьми, указывающие на их способность быть субъектами совместной деятельности и поддерживать целостность коллективных образований.

* В этой же книге он многократно разбирает термин «социальный», приводя более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальный» или «общественный». Он считает этот термин совершенно бесполезным и даже опасным средством коммуникации. Но главный его порок заключается в том, что он выхолащивает смысл тех существительных, к которым прилагается (см.: Хабермас, 1995).

* Досталось от Л. фон Хайека и социальному государству. Он считает, что в Западной Германии, где конституция 1949 года признавала факт существования «социального правового государства» и «социальной рыночной экономики», были принесены в жертву многие ценности либерального порядка. По его мнению, государство и рыночную экономику не стоит превращать в социальные, поскольку они так социальные по своей природе. В этом он видит прямую угрозу рынку и даже допускает, что введение этих конституционных норм приводит к приостановке правления права (см.: Хабермас, 1995).

В отличие от них экономические отношения складываются по поводу производства материальных условий существования людей.

Социальное очерчивает границы существования различных (больших и малых) групп как социокультурных целостностей, удерживая равновесие между ними (баланс интересов). Между классовым конфликтом и внутриклассовым согласием находится зона солидарности как внешнего формального единства людей, объединенных общими интересами и, прежде всего, интересом поддерживать существующий социальный порядок.

Государство, которое объявляет себя социальным, не должно предоставлять ни одной социальной группе существенные экономические и политические привилегии. Оно становится на сторону большинства, выражая интересы основных классов или групп общества и поддерживая единство (социальное согласие) между ними. Именно в этом, а не только в оказании помощи нуждающимся, я вижу его практический смысл.

Социальное государство объявляет в качестве приоритета своей деятельности не первенство социального над экономическим, что больше характерно для стран реального социализма, а установление между ними паритетных отношений, не посягая при этом на сами основы капиталистического строя (рынок, частную собственность, свободную конкуренцию, демократию). Это – государство здравого смысла, которое в своей политике исходит из принципа разумного самоограничения. Каждый, кто обладает значительным объемом капитала, должен отдавать его часть на нужды неимущих или занятых в бюджетной сфере. Так оно сглаживает, а не упраздняет в принципе классовые противоречия, выступая своего рода «буфером» между имущими и неимущими, предпринимателями и наемными работниками.

Таким образом, социальное государство уже на ранней стадии своего развития берет на себя, с одной стороны, функцию защиты интересов зависимых и нуждающихся в материальной помощи групп, а, с другой стороны, функцию ограничения монопольного права на власть и собственность других групп. Причем обе функции тесно связаны друг с другом. Нельзя защищать права одних, не ограничивая возможности других. Конечно, защищающее и ограничивающее государство является лишь первым типом социального государства, которое я и называю минималистским.

Предпосылки рефлексивно-критического понимания социального государства. Из всего многообразия дефиниций мне больше всего подходит следующее определение: «Теория, способная дать аналитическое и этическое обоснование, необходимое для выявления структуры явлений, лежащих в основе общественной практики, и раскрыть воплощенную в них возможную деформацию социальной жизни» (Шон Розенберг)*. Её основатель М. Хоркхаймер считал, что критический метод призван разоблачать «всё, что уродует жизнь человечества и препятствует его свободному развитию...» (Хоркхаймер, 2011: 213).

Как известно, основы критической теории заложили представители Франкфуртской школы (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе и др.). Они соединили в своей теории идеи критики разума Канта, диалектики Гегеля, отчуждения К. Маркса, концепцию человека З. Фрейда, анализ идеологии как ложного сознания Г. Лукача и др. Вместе с тем они настаивали на том, что поздний капитализм и социализм суть разновидности индустриального общества, отрицали революционную роль пролетариата и абсолютизировали категорию отрицания. Особое место в их трудах заняла критика тоталитаризма и авторитарной личности (Адорно). Некоторые из их идей подхватили и развили дальше современные социальные теоретики Ю. Хабермас, М. Фуко, А. Гоулднер, Ч. Миллс, Э. Гидденс и др.

Изложу вкратце своё понимание современной критической теории применительно к анализу социального государства.

1. Критическая теория является формой теоретической саморефлексии современного типа социальной жизни (Фурс, 2002: 11). С этой точки зрения социальное государство, являющееся продуктом модернизации, выступает полем анонимной игры стихийных сил (рынок, политическая борьба и пр.) и не может преодолеть социальное отчуждение. Акцент же на саморефлексию означает рефлексивную самоотнесенность содержания теории к ситуации её создания, в т.ч. к биографической ситуации самих теоретиков. Как известно, создатели идеи

* См.: https://studwood.ru/1507849/ekonomika/kriticheskaya_teoriya (дата обращения – 06.02.19).

и практики социального государства так и не смогли преодолеть до конца свою политическую ангажированность.

2. Критическая теория выступает разновидностью революционной практики, ориентируя людей на идеал эмансипации и рефлексивное присвоение продуктов отчуждения их труда и собственности. Нынешнее социальное государство не способно стать движущей силой борьбы за эмансипацию человека, хотя в своей официальной политике продолжает следовать гуманистическим идеалам («достойная жизнь», «свободное развитие личности» и пр.). Поэтому необходимо вскрывать все недостатки деятельности такого государства, показывая его двойственную природу (пребывание между двух миров) и неспособность к радикальным социальным изменениям.

3. Критическая теория рассматривает социальную жизнь как сеть практик и коммуникаций, структурированных значениями, деньгами и властью (Ю. Хабермас, М. Фуко). С одной стороны, общество выступает композицией сфер действия (инструментальные и коммуникативные аспекты), с другой, представляет стратегические игры за доминирование над поведением индивидов. Социальное государство находится в поле взаимодействия системного и жизненного миров социума. Его можно определить как одну из практик системного мира, обеспечивающую за счет его ресурсов элементарные условия для жизнедеятельности людей и ориентированную в той или иной мере на ценности жизненного мира.

Социальное государство можно рассматривать далее в двух ипостасях критической теории: аналитическое моделирование (построение «критической модели», ориентированной на описание прошлого или настоящего) и проектное моделирование (разработка «критической модели», ориентированной на будущее, в т.ч. несовершенное и совершенное)*.

Поэтому для критического анализа такого государства наряду с временными координатами (прошлое, настоящее и будущее) следует ввести категории «совершенное» и «несовершенное», производные от слова «совершенство» (как предел развития единства, выступающего в качестве меры подлинности или эталона чего-либо) и выражающие в моем понимании соответственно высокую или низкую степень эмансипированности человека в конкретных условиях его исторического развития. То, что совершенно сегодня, завтра уже несовершенно. Кроме этого, надо учитывать еще одно обстоятельство: несовершенное настоящее может породить лишь несовершенное будущее, которое не обладает полнотой всех качеств исходного образца (совершенного будущего). К тому же для каждой эпохи (или в жизни каждого поколения) имеется свой идеал совершенства.

4. Единицей критического и конструктивного анализа деятельности любого социального государства является, на мой взгляд, социальная проблема, содержащая осознанное противоречие между потребностями людей в достойной (по меркам их социальной группы) жизни, с одной стороны, и условиями их удовлетворения, которые им создает (или не создает) данное общество, с другой стороны. Интегральным же показателем, в котором фокусируется степень различий в условиях жизнедеятельности разных социальных групп, выступает качество жизни. Так формируется «критическая модель»,

* Кстати, в английском языке Future Perfect Continuous (будущее совершенное) обозначает действие, которое начнется в будущем и будет продолжаться до наступления следующего, более позднего действия, но тоже в будущем. Я же употребляю прилагательное «совершенный» в значении «обладающий совершенством, полнотой бытия, превосходящий нечто, что можно назвать несовершенным». Это – то будущее, что характеризуется качественной определенностью. В нем представлены все необходимые и достаточные качества, которые мы приписываем данному феномену (например, совершенный человек). В этом смысле социальное государство как будущее может проходить несколько стадий развития. Для России будущим являются обе модели – государство с развитой системой социальной защиты и государство личностного благоденствия. Однако, первое будущее, переход к которому уже намечается в настоящем, я называю несовершенным (утопией, реализуемой в среднесрочной перспективе), а второе, которое наступит значительно позже, – совершенным (нереализуемой на данном этапе утопией или утопией, которая рассчитана на долгосрочную перспективу).

которая имеет дело с несовершенным прошлым/настоящим (исчерпанным) или с уже свершившемся (состоявшимся) будущим.

Тип социального государства, складывающийся в той или иной стране, определяется характером тех социальных проблем, которые оно решает. В этой связи я различаю проблемы-следствия (порожденные или причиненные проблемы), проблемы-причины (причиняющие или порождающие проблемы) и проблемы-средства (конструктивные или «решающие» проблемы).

Поэтому в зависимости от уровня сложности социальных проблем формируется та или иная теоретическая модель социального государства и его политики:

– порожденные проблемы (неравенство, бедность, голод и пр.) – *минималистское социальное государство* и соответствующая ему реактивная политика, призванная всего лишь потушить социальный пожар и обеспечить минимальный уровень жизни (прожиточный минимум);

– порождающие или причиняющие проблемы – *защитающее государство* (государство с развитой системой социальной защиты или государство всеобщего благоденствия) и связанная с ним превентивная (предупредительная или упреждающая) политика, основанная на стратегии опережающего решения проблем и выстраивании партнерских отношений с организациями гражданского общества;

– конструктивные проблемы – *государство личностного благоденствия* (или государство реального гуманизма) и сопряженная с ним социально-гуманитарная или жизненная политика, при которой большинство причиняющих проблем снимается еще до момента их обострения, а основное внимание уделяется решению проблем-средств, т.е. преодолению препятствий, возникающих на пути создания условий для саморазвития человека как свободной личности.

Следовательно, аналитическое моделирование характеризует процесс выявления и решения социальных проблем, имеющих отношение к прошлому и настоящему социального государства. В последнем типе, модель которого пока еще не реализована на практике, намечается переход к проектному моделированию.

5. Критическая теория обладает проектным потенциалом в построении нового общества как совершенного будущего (утопия, реализация которой отсрочена на долгосрочную перспективу). В каком-то смысле её можно рассматривать как праксеологию социальной эмансипации или как научно обоснованную социальную утопию. Её проекты характеризуются открытым и прогностическим характером. Это – образы желаемого и практически трудноосуществимого будущего, призванные корректировать социальную реальность (своего рода реалистические утопии). Они предстают в виде наглядных и привлекательных моделей будущего, которые воссоздают новые формы общественной жизни, выступающие в виде альтернатив существующим моделям реальности.

Критически-конструктивный подход реализуется также в двух версиях: разработка модели несовершенного будущего (как утопии, реализуемой в среднесрочной перспективе) и создание модели совершенного будущего (как утопии или идеала, не осуществимых на данном этапе исторического развития общества). «Современная критическая теория последовательно проводит тезис о том, что утопические содержания имманентны наличным формам социальной практики. В частности, в концепции Хабермаса рационализация жизненного мира, которая делает возможным обособление функциональных подсистем, одновременно открывает утопический горизонт гражданского общества, в котором капиталистическая экономика и бюрократическое государство образуют основу для посттрадиционной организации приватной и публичной жизни. Эта рационалистическая утопия представляет собой не простую иллюзию – она возникает из структуры нашего жизненного мира» (Фурс, 2002: 67).

Именно такой рациональной, хотя и нереализуемой пока для большинства стран мира, утопией является модель государства личностного благоденствия (как совершенного будущего), которая может прийти на смену модели государства с развитой системой социальной защиты (несовершенного или недостаточно совершенного настоящего для западных стран и столь же несовершенного будущего для нас). Такое государство «центрировано проблемами качества жизни, индивидуального самоосуществления, включенности и прав человека» (Фурс, 2002: 68). На место массовой эмансипации,

связанной с преодолением классового и национального угнетения, приходит эмансипация самости человека. Подобную программу разрабатывал и Э. Гидденс. «Я определяю политику эмансипации как общую точку зрения, связанную, прежде всего, с освобождением индивидов и групп от ограничений, которые оказывают неблагоприятное воздействие на их жизненные шансы» (Фурс, 2002: 68). Такую политику он называет еще жизненной политикой или политикой жизненных шансов.

Таким образом, критическая теория является инструментом анализа и проектирования социального государства на всех стадиях его эволюции. Как аналитическое моделирование она ориентирована на выявление критических социальных проблем прошлого и настоящего, а как проектная практика (проектное моделирование) – на создание критических моделей совершенного/несовершенного будущего, которые соответствуют двум разным способам или частным практикам эмансипации – преодолению социального отчуждения (при помощи государства всеобщего благоденствия) и практика выхода из самоотчуждения (посредством государства личностного благоденствия). Первая практика является следствием расколдовывания системного мира социума, регулируемого посредством денег и власти, а вторая – результатом эмансипации жизненного мира, раскрепощения сущностных сил человека.

Социальное государство и его критики. Социальное государство и его разновидность – государство всеобщего благоденствия в теоретическом плане порождены идеологами и социальными инженерами. Подчеркивая их зависимость от правящего класса, А.У. Гоулднер писал: «... Подчинение деятельности социолога политике правящих кругов – это предательство наиболее фундаментальных целей любой социологии» (Гоулднер, 2003: 21). Вместе с тем в науке без политики нельзя обойтись. «Каждый, кто посвящает свою жизнь изучению общества и публикации результатов этой работы, хочет он этого или нет..., уже действует морально, а часто и политически значимым образом» (Миллс, 1998: 96).

Я согласен также с Ч. Миллсом в том, что те, кто ратует за «научную объективность» или избегает «оценочных суждений», больше всего боятся страстной убежденности и ведут себя нечестно в нравственном отношении и пассивно в политическом плане. Как считал тот же Миллс, у любого исследования, особенно прикладного, имеется своё бюрократическое и идеологическое применение. В связи с этим Э. Гидденс предлагал расширить объем понятия «политика» и включить в него такие виды, как научная политика, жизненная политика и пр.

Критику социального государства как институции системного мира я буду называть далее антисистемной, а его критику с позиции жизненного мира и во имя эмансипации – экзистенциальной. Разумеется, я не исключаю варианта системной критики этого государства, осуществляемой представителями самого правящего класса, чуждым идеям справедливости и гуманизма. Но этот вид социальной критики я оставляю в стороне.

А.У. Гоулднер как антисистемный критик социального государства. Критика Гоулднером социального государства велась в основном против проекта функционализма, который ориентировал чиновников на решение социальных проблем, обеспечивающих стабильное существование капитализма. С его точки зрения, теоретическая система, которую построил Т. Парсонс, исходила из признания равновесного и фактически бесконфликтного существования социального мира. Любые отклонения от установленного порядка должны «мягко» преодолеваются или «нейтрализоваться». Поэтому, чтобы обнаружить реальные противоречия, нужен совершенно иной, антисистемный (в основе своей – антифункциональный) подход, который связан с критической рефлексией оснований деятельности социального государства как бюрократической системы, порожденной современным капитализмом.

Критическую позицию А.У. Гоулднера можно свести к нескольким ключевым положениям.

1. Государство всеобщего благоденствия (далее – ГВБ), которое воспевали теоретики современного капитализма, в т.ч. и Т. Парсонс, возникает в обществе, основанном на утилитарных ценностях. Последнее выявляет, по мнению Гоулднера, категорию «беспольных» людей, чтобы установить контроль над ними. Беспольными он называет тех, кто не может себе обеспечить достойный уровень жизни и выпадает из «нормального» сообщества. Переход к ГВБ означает расширение государственного участия в избавлении от «беспольных» людей (Гоулднер, 2003: 105-106). Теперь целью государства становится

филтрация людей по критериям «полезности» и «бесполезности». Причем акцент в политике делается на увеличение количества «полезных» и сокращение «бесполезных» людей в обществе. Полезными считаются те, кто имеет постоянную работу, регулярно платит налоги и выполняет другие социальные требования. Ни о какой общественной пользе речь, конечно, не идет.

2. Существует три основных стратегии контроля над «бесполезными» людьми со стороны государства:

– *экологическая изоляция* (создание анклавов или резерваций, этнических или расовых гетто, трудовых лагерей, общин для пожилых, психиатрических лечебниц и т.д.);

– *перевоспитание личности*, в т.ч. перевод части больных или временно нетрудоспособных, безработных, мигрантов и неквалифицированных граждан в категорию «бесполезных» людей с целью их дальнейшего «исправления» (лечения, обучения, переподготовки) и последующего возвращения в «нормальное» общество (к главному недостатку ГВБ Гоулднер относит то, «что его забота о “благоденствии” ограничена приверженностью полезности; оно требует чего-либо полезного взамен того, что дает» (Гоулднер, 2003: 106));

– *адаптация людей к рутинным практикам, понижение их творческой активности* (здесь на первый план выходит, по мнению Гоулднера, «проблема механического труда; социальное государство должно постоянно идти в ногу с продолжающимся процессом механизации и автоматизации, с присущей ему тенденцией порождать безработицу, по крайней мере временную, и постоянное устаревание навыков» (Гоулднер, 2003: 106); с этим связаны также многочисленные программы «человеческих отношений», которые пышным цветом расцвели в крупных корпорациях).

3. У ГВБ имеются свои пределы влияния на решение социальных проблем. Появляются новые противоречия, которые оно уже не способно решать, о чем предупреждает Гоулднер. «По своей природе ГВБ является системой регулирования, начинающей действовать только после очевидного возникновения “проблемы” и в ответ на нее» (Гоулднер, 2003: 110). А это значит, что оно имеет дело преимущественно не с проблемами-причинами, а с проблемами-следствиями. А ведь, чтобы лечить болезнь, надо поставить правильный диагноз, а не хвататься за первые попавшие под руки лекарственные средства. На службе такого государства стоят люди, зараженные вирусом утилитаризма и не способные сопротивляться поразившей их болезни.

Следовательно, пределами или ограничениями ГВБ являются:

– медленное реагирование на решение проблем (как правило, проблем-следствий), что соответствует реактивной социальной политике;

– зависимость решения большинства проблем от тех институтов, которые их же и порождают (частное предпринимательство, фонды, политические партии, административные учреждения и пр.);

– неэффективное использование (а часто – присвоение и разбазаривание) средств, выделенных на программы социального обеспечения.

Таким образом, по мнению А.У. Гоулднера, ГВБ – это:

1) «централизованное бюро планирования и финансирования» посредников в избирательном решении социальных проблем;

2) агентство по работе с «бесполезными» людьми, которое осуществляет систему мер по сокращению их количества и адаптации человека к изменившимся условиям современного капитализма;

3) форма приспособления социальных программ к групповому и индивидуальному эгоизму тех, кто как раз и порождает большинство проблем, извлекая к тому же из них прямую выгоду*.

* Следовательно, деятельность ГВБ зачастую приносит обратный эффект: помогая страждущим и бедствующим, оно вынуждено обращаться за поддержкой к тем, кто причинил их бедственное положение. Такое государство фактически работает на частный сектор, принося ему прибыль от решения проблем, сулящих выгоду сторонним лицам, которая не имеет прямого отношения к решению критически острых проблем. Значительная часть средств распределяется не по прямому назначению (см.: Гоулднер, 2003: 111).

Следовательно, социальное государство не устраняет утилитаризм в культуре и образе жизни, а, напротив, использует в своей деятельности критерии полезности (денежную парадигму), применяя их в отношении человека или общества и оценивая последних по меркам рынка или частного сектора. «В повседневной жизни в буржуазной культуре полезность обычно измеряется производством благ и доходов, независимо от того будут ли это индивиды, предприятия или нации» (Гоулднер, 2003: 104). Полезность же самого человека измеряется в буржуазном обществе тем, сколько он стоит как собственник или способен заработать, используя свою рабочую силу.

Социальное государство не смогло решить большинства проблем, которые на него возлагались общественностью. Оно так и остается бюрократической машиной, порожденной современным капитализмом со всеми его пороками. Поэтому сегодня можно констатировать, что в его деятельности доминирует государственная бюрократия, которая поддерживает негласный союз с теми кругами, которые как раз и порождают большинство социальных проблем вместо того, чтобы их решать (представители частного сектора, предприниматели, чиновники). Их объединяют ценности утилитаризма и прагматизма. Таков неутешительный вывод, вытекающий из анализа идей А.У. Гоулднера.

Ю. Хабермас о социальном государстве (взгляд со стороны жизненного мира). Более мягкий вариант критики социального государства, который я условно называю экзистенциальной, предложил Ю. Хабермас, испытавшие сильное влияние идей неомарксизма и впоследствии стал занимавшийся проблемами коммуникативного действия. Экзистенциальной же я называю её потому, что она связана с такими смысложизненными ценностями жизненного мира, как взаимопонимание, любовь, личное достоинство и пр., которые проецируются на понимание Хабермасом социального государства, представляющего, помимо прочего, интересы системного мира.

Хабермас так описывает ситуацию, сложившуюся к началу 1990-х годов в странах Западной Европы: «Программа “социального государства”, которую удалось провести после второй мировой войны в обществах нашего типа, – относительный успех. Она означает, с одной стороны, ощутимую компенсацию за риск и тяготы, связанные с трудом, с другой – некоторое дисциплинирование и в то же время защиту капиталистического роста. Конечно, врожденный порок естественной судьбы, обусловленный капиталистическим рынком труда, пока не устранен, а лишь косметическим подправлен. Но в настоящий момент дело обстоит так, что социалистически ориентированные левые силы на Западе не могут добиться дальнейшего прогресса, даже закрепить достигнутое...» (Хабермас, 1995: 92).

Ю. Хабермас обратил внимание еще на одну функцию социального государства – *рефлексивную*, которая присуща ему в развитом состоянии. «Стать рефлексивным для государства означает, однако, и то, что извлекаются уроки из опыта обращения с таким средством, как власть, которую политики социального государства должны использовать для своего вмешательства в общественные субстраты» (Хабермас, 1995: 96). Что же помешало этому государству стать рефлексивным? На этот вопрос у немецкого мыслителя прямого ответа нет.

Рядовые граждане по-прежнему отстранены от повседневного участия в системе власти. Их жизненный мир подвергается, по мнению Ю. Хабермаса, беспощадной колонизации со стороны системного мира и, прежде всего, авторитарного государства. Ценности рынка и бюрократии стали проникать в структуры повседневной жизни и устанавливать там свои «правила игры». Подобную идею развивал в своё время и А.У. Гоулднер, подчеркивая, что «современные искусственные управленцы стремятся контролировать “неформальные” групповые структуры в производственной жизни, которые до сих пор предоставляли возможности для компенсирующего выражения» (Хабермас, 1995: 105-106). Частная жизнь людей перестала быть личным делом людей и на неё всё больше посягают «всевидящие организации». Системные суррогаты и утилитарные жизненные стандарты шаг за шагом вытесняют остатки спонтанной активности индивидов, блокируя их коммуникации, а тем самым лишая жизненный мир смысла.

Таким образом, даже Хабермас, которого трудно заподозрить в симпатиях к реальному социализму, признает, что введение программы социального государства явилось ни чем иным, как попыткой защитить капитализм или его косметическим ремонтом. Будучи по своей сути институционализированным классовым (или точнее – межклассовым)

компромиссом, оно становится вместе с тем «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма». Лейтмотивом его экзистенциальной критики стали исследования проблем колонизации жизненного мира со стороны бюрократического государства и других институтов системного мира.

Социальное государство в России: критически-аналитическая версия.

Аналитическое моделирование нужно начинать с описания критической социальной ситуации, сложившейся в обществе. Очевидно, что мы имеем дело с моделью несовершенного настоящего (т.е. не реализованной до конца утопии), о чем свидетельствуют не только социально-экономический кризис, усугубляемый экономической блокадой и политическим давлением со стороны стран Запада, но и нарастающий кризис сознания большинства российских людей, обусловленный преимущественно внутренними факторами (непопулярными мерами правительства, экономической стагнацией, политическим застоём, бюрократическим произволом, духовно-нравственной деградацией и пр.) и сопровождающийся их страхами и неуверенностью в завтрашнем дне.

Что же касается фактического статуса Российской Федерации, то её следует считать на сегодняшний день минималистским социальным государством по форме (конституционный принцип) и несоциальным по сути. Такое государство сталкивается чаще всего с проблемами-следствиями, решение которых не позволяет выйти на новый, более высокий уровень развития. Поэтому в данных условиях оно может быть лишь минималистским или реагирующим, хотя, как показывает опыт, даже свои защищающие функции ему не всегда удается выполнять в полной мере.

Об этом свидетельствуют многочисленные факты. В последние годы полным ходом идёт сворачивание социальных прав рядовых граждан (повышение пенсионного возраста, рост налогов, сокращение перечня обязательных социальных и медицинских услуг, и пр.), а доверие к институтам власти продолжает снижаться, что лишь увеличивает дистанцию между реально функционирующим корпоративно-бюрократическим государством и декларируемым в Конституции принципом социального государства. Применительно к опыту построения этого государства в России можно использовать оба вида критики – антисистемную и экзистенциальную.

Развивая антисистемную аргументацию, я делаю вывод, что сегодня мы идём в сторону «от социального государства», а не к нему. Ведь социальным считается то государство, которое действует в интересах большинства классов и групп общества, выравнивая постепенно условия их жизнедеятельности и расширяя границы среднего класса. Пока существует колоссальный (несопоставимый с подобными показателями самих развитых стран) разрыв между самыми богатыми и самыми бедными людьми в России, не может сложиться полноценное социальное государство. Кроме того, следует назвать несколько отрицательных моментов, которые тормозят его становление в нашей стране.

Во-первых, для социального государства нужна прочная экономическая база. Путь к цифровой экономике блокируется формально-бюрократическими механизмами. Отток из страны или переход в другие отрасли интеллектуалов, способных создавать и внедрять на практике инновационные технологии, продолжается. До сих пор не развернуты в полной мере производство отечественных (импортозамещающих) наукоемких деталей, узлов и других комплектующих, что тормозит такие передовые отрасли промышленности, как автомобилестроение, кораблестроение, авиастроение и пр. Поэтому нынешнее состояние модернизации я бы назвал «модернизацией для чужих». Мы по-прежнему покупаем большинство комплектующих для машиностроения в западных странах, что в условиях нарастающей экономической блокады страны уже напрямую затрагивает вопросы национальной безопасности. Такая квазимодернизация никак не может содействовать укреплению социального государства.

Во-вторых, социальное государство возникает в России в условиях перехода к капитализму, что накладывает на него его «родимые пятна». Это то, что В.С. Нерсисянц называл буржуазным «социализмом», приводя в пример шведскую модель общественного устройства. «Смысл такого “социализма” состоит в том, что развитой и богатый капитализм платит своеобразную дань социалистической идее путем ущемления собственников в пользу несобственников, чтобы упрочить сам строй частной собственности, не доводить дело до настоящего социализма» (Нерсисянц, 2000). Поэтому оно развивается далее в логике

капитализма и ничем иным как его самокоррекцией быть не может. Ситуация усугубляется еще и тем обстоятельством, что Россия продолжает терять свои позиции в мировой экономике и политике, постепенно вытесняясь в область периферии.

В-третьих, проблема заключается в том, как «принудить» правящий класс, олицетворяющий собой государство и сосредоточивший в своих руках монополию на власть и общенациональные ресурсы, к выполнению взятых конституционных обязательств, в т.ч. к практической реализации статьи 7 Конституции РФ. Боюсь, что простыми уговорами и гуманистическими призывами тут делу не поможешь. Здесь нужна новая политическая платформа, вокруг которой могли бы объединиться сторонники социал-демократической идеологии. Я убежден, что реализовать конституционный принцип социального государства может лишь коалиция левых сил во главе с социал-демократами. Но пока они не конституировались в политическую партию и не получили право на законодательную инициативу, шансов на продвижение идеи социального государства остается немного. Но этот момент находится в сфере компетенции проектного моделирования.

В чем же заключается экзистенциальная критика эволюции социального государства в России? У меня нет возможности в рамках данной статьи привести полную аргументацию. Могу лишь отметить, что Хабермас и другие социальные теоретики настаивали на том, что в экзистенциальной критике, осуществляемой с идейных позиций представителей жизненного мира, необходимо учитывать тот факт, что последний сосуществует с миром систем в разных ценностных координатах. Социальное государство находится на линии ценностного конфликта этих миров. Поэтому оно должно учитывать в своей деятельности как ценности-средства (или инструментальные ценности), в т.ч. установками прагматизма и утилитаризма, которые характерны для мира формальных систем (экономика, политика, право), но всё же отдавать предпочтение ценностям-смыслам жизненного мира (смысложизненные и эгалитаристские ценности). В этом состоит его социальная миссия – защищать интересы жизненного мира в мире больших систем.

Таким образом, исследовательская перспектива критического подхода состоит в обнаружении системных пороков в сложившейся модели российского государства (как доступного нам несовершенного настоящего), несовместимой с более продвинутой моделью социального государства (несовершенного будущего), которое является в свою очередь предпосылкой наступления совершенного будущего, обладающего всей полнотой бытия. То, что для развитых стран является несовершенным настоящим, для нас выступает несовершенным будущим. Мы знаем, что оно несовершенно, но стремимся к нему, чтобы накопить силы и достичь полноты бытия в уже совершенном будущем.

Другими словами, это – критика от противного, которая содержит в себе два вектора – антисистемный и экзистенциальный (смысложизненный). При этом объектом критического анализа здесь выступает не столько опыт других стран в развитии социального государства, сколько наш собственный опыт, который рефлексивируется и критикуется с точки зрения его собственной логики развития и интенций жизненного мира.

Социальное государство в России: проектная критическая версия. То, что является аналитической («негативной») критикой для более развитых стран, переживающих сегодня острый кризис социального государства, выступает для нас позитивной или конструктивной критикой. Последняя исходит из признания альтернатив развития, имевшихся у стран, ставших на путь модернизации. Такая критическая модель ориентирована на реализуемое в среднесрочной перспективе (пусть даже в несовершенном виде), а значит, относительно недалекое (осязаемое) будущее. Вместе с тем критика конкретного будущего ведется нами с позиций видения несовершенного будущего, поскольку так называемое защищающее государство является в свою очередь слабой копией или отдаленным подобием более развитого социального государства, сосредоточенного на решении проблем личностного благоденствия и остающегося пока еще несовершенным будущим для самых развитых стран мира. Но у последних уже есть совершенное настоящее, т.е. сформирована в полной мере модель государства с развитой системой социальной защиты.

Один из ключевых вопросов, который необходимо сформулировать в этой связи, состоит в следующем: «А был ли у России исторический шанс пойти по другому пути и построить своё социальное государство?» Ю. Хабермас считает, что такая перспектива была «в случае успеха проекта Горбачева» (Хабермас, 1995: 92-93). Но такой проект социализма в отличие от

социализма, реально сложившегося в России, должен был «... обеспечить общественное богатство и привнести политические свободы социально-государственных массовых демократий в радикальный плюрализм и автономные практические действия общества, заслуживающего называться фундаментально-демократическим» (Хабермас, 1995: 93). А это и называют обществом демократического социализма, которому соответствует, в частности, модель государства социал-демократического типа. Следовательно, будущее для России, в т.ч. развитое социальное государство, представлялось Хабермасом как настоящее (будущее, явленное или ставшее действительностью) стран Западной Европы и в первую очередь – Германии. И это будущее мы упустили, так и не доведя до успешного завершения процесс перестройки.

Одну из главных причин неудачи в реализации проекта перестройки Хабермас видит в том, что её инициаторам не удалось провести полномасштабную реформу политической системы и искоренить бюрократическое господство номенклатуры. К сожалению, гласность не переросла в прозрачность и открытость, в плюрализм общественного мнения и широкое участие граждан в принятии решений. Как стало известно позже, власть номенклатуры не утратила своё значение и в наши дни. В 1990-е и 2000-е годы она полностью восстановила свои позиции. В результате победили именно её частные интересы. К тому же ей удалось блокировать инициативу снизу и нейтрализовать политическую энергию масс. Перестройка захлебнулась, так и не достигнув качественного изменения общественной жизни. Всё это в полной мере можно отнести и к конституционному проекту социального государства. Он так и остался на практике декоративным принципом (настоящим, которое воображает себя совершенным, декларируя это в Конституции, но не является таковым по сути).

А это значит, что в реальности произошел откат к более примитивному состоянию общества и государства (по принципу «один шаг вперед, два шага назад»). В этих условиях уже нельзя было рассчитывать на реализацию второй, защищающей модели социального государства. Пришлось начинать с нуля. Критическая модель социального государства, предлагаемая Хабермасом, оказалась для нас моделью несовершенного будущего, ставшего для многих развитых стран мира свершившимся, хотя и не всегда совершенным настоящим. Некоторые из них уже переходят к следующей модели (государству личностного благоденствия), являющейся для них пока еще несовершенным будущим, а для нас – практически недостижимым, т.е. нереализуемой утопией.

И всё же Россия окончательно не свернула с пути становления социального государства. И у неё всё еще остаётся шанс перейти на следующий уровень государственного строительства и построить *государство с развитой системой социальной защиты*. Минималистское социальное государство (со всеми его ценностями утилитаризма и прагматизма), которое западным странам уже удалось преодолеть (как несовершенное, но уже пройденное прошлое), оказалось пределом наших возможностей (как несовершенное, еще не раскрывшее свой потенциал настоящее).

Для критиков же самой критической теории я оставляю открытым следующий риторический вопрос: можно ли из несовершенного прошлого и настоящего прийти в совершенное будущее? Для себе отвечу кратко: можно, но нужен качественный рывок, предполагающий ускоренное совершенствование самого настоящего, насыщение его практическими смыслами и действиями. Ведь совершенное настоящее уже само по себе характеризует переход к пока еще несовершенному, но вполне реализуемому в среднесрочной перспективе будущему (защищающей модели государства).

Поэтому именно защищающее государство (как модель несовершенного, но вполне реализуемого будущего для нашей страны) должно стать, с моей точки зрения, предметом критического моделирования и проектирования российских ученых, выступающих в тесном союзе с политиками-практиками. Их общая цель – запустить механизм реализации конституционного принципа социального государства и вывести его на новый уровень развития, учитывая всемирный опыт государственного строительства.

Для начала реализации данной модели, т.е. пока еще труднодостижимого для нас и всё еще несовершенного (с точки зрения конечной цели – свободного развития человека) будущего, необходимо, на мой взгляд, выйти из своего несовершенного настоящего, завершив процесс его совершенствования и преодолев вместе с тем инерцию скатывания в несовершенное прошлое или настоящее западных стран. А это значит, что придётся

совершить рывок, т.е. сделать практически невозможное в данных условиях, а именно то, что я хочу предложить, рискуя навлечь на себя гнев строгих аналитиков – прорыв в сферу трансцендентного (как сосредоточия «высших» смыслов, ориентирующих бытие человека на гармонизацию его отношений с миром и другими людьми) и, как следствие, *установление гармоничного социального мира* – совершенного состояния общества и его высшего блага, минуя стадии классовых и ценностных конфликтов капитализма с его неизбежными пороками (овеществление, неравенство, накопительство, потребительство, утилитаризм и пр.). Их надо вынести за скобки вместе с породившей их системой ценностей. Прорываться надо не к очередному «светлому будущему», а к своим культурным кодам и духовным корням, от которых мы отошли много десятилетий назад, разменяв их на сомнительный (в ценностном отношении) мир и мнимое материальное благополучие. Только так на смену государству классового конфликта или компромисса придёт государство устойчивого и гармоничного социального мира. А это и есть праксеология эмансипации человека или практика реализации невозможного (утопии, реализация которой отложена на долгосрочную перспективу).

Чтобы не быть голословным, приведу конкретные предложения по проекту социального государства для России. На мой взгляд, необходимо:

- разработать и принять Социальный кодекс РФ, который конкретизирует положения статьи 7 Конституции и возложит четкую ответственность за соблюдение социальных прав граждан на определенных субъектов государственной и муниципальной власти (разумеется, в связи с этим потребуются внести изменения в другие законодательные акты – Трудовой кодекс, Гражданский кодекс, Семейный кодекс и пр.);

- разработать комплексную программу социальной защиты населения и внести изменения в Стратегию (прогноз) социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., выделив отдельным разделом вопросы укрепления социального государства;

- приравнять социальную защиту населения к вопросам национальной безопасности страны и внести соответствующие изменения в Стратегию национальной безопасности РФ, в т.ч. ввести и обосновать понятие социальной безопасности страны;

- исключить из всех официальных документов государства термин «человеческий капитал» и другие термины, унижающие достоинство человека и несоответствующие конституционным нормам о его свободном развитии (человек – не капитал, не рабочая сила, не наемный работник, а основная цель развития общества);

- учредить Фонд социального развития страны (далее – ФСР), куда должны поступать часть налогов на собственность и доходы от нее, средства, вырученные от конфискации имущества осужденных за факты коррупции и злоупотребления служебным положением, и пр.*;

- расширить полномочия ФСР и передать ему полностью функции Пенсионного фонда РФ, а также значительную часть полномочий Министерства труда и социальной защиты, относящихся к вопросам социальной поддержки населения (средства, поступающие на финансирование социальной поддержки граждан, необходимо сосредоточить в одном месте);

- ввести прогрессивную форму налогообложения и установить предельный уровень доходов от собственности или ренты владельцев и руководителей крупных компаний (топ-менеджмента), иных лиц, присваивающих себе львиную долю доходов (все остальные средства перечислять в ФСР страны);

- ввести ограничения на доходы руководителей государственных корпораций путем внесения соответствующих изменений в трудовое, антимонопольное и прочее законодательство РФ;

- существенно увеличить пенсии, пособия и другие формы поддержки населения, в первую очередь за счет средств ФСР страны;

- исключить необоснованный разрыв в зарплате руководителей и рядовых сотрудников бюджетных учреждений или организаций, в т.ч. восстановить Единую тарифную сетку по

* Уверен, что Фонд социального развития РФ может стать опорным кирпичом нового социального государства, которое из минималистского, обеспечивающего прожиточный минимум нуждающимся гражданам, трансформируется в действительно защищающее их социальные права.

оплате труда работников бюджетной сферы и установить твердую тарифную ставку для всех категорий работников (при этом первый разряд должен превышать не менее, чем в 3 раза официальный принятый прожиточный минимум, а не равняться ему; разрыв же между 18 и 1 разрядами должен составлять не более чем в 4,5 раза, как это было до 2010 г.)^{*}.

Конечно, мои предложения носят во многом умозрительный характер и требуют экспертной оценки специалистов. Очевидно, что здесь нужны более точные расчеты и обоснования, базирующиеся на единой системе социальных показателей. При этом я далек от мысли, чтобы устанавливать «среднюю температуру» по стране. Очевидно, что различия в доходах и оплате труда при нынешнем уровне социально-экономического развития страны еще долго будут сохраняться. Но еще важнее провести метафизическую революцию, затрагивающую фундаментальные основы человеческого бытия. Нужно быть готовыми к такой революционной практике, которая способна ненасильственным путем содействовать делу эмансипации человеческого бытия.

Однако первый шаг к государству с развитой системой социальной защиты (как к еще несовершенному будущему, у которого есть совершенное продолжение – государство личностного благоденствия) заключается в том, чтобы существенно сократить социально-экономические различия и добиться справедливого перераспределения доходов между самыми богатыми и самыми бедными группами населения. Только так можно прийти к классовому компромиссу в обществе и тем самым снизить накал социального напряжения, что послужит в свою очередь важной предпосылкой формирования общества национального согласия и гармонизации социального мира.

Заключение

Итак, наше будущее столь же несовершенно, как и настоящее. Но совершенствуя настоящее, мы делаем будущее предсказуемым и достижимым. Поэтому нужно не прекращать поиски новых путей общественного развития. И не важно, как это будет называться («третий путь», другой модерн, цивилизм и пр.). Главное – время от времени критически пересматривать фундаментальные основания нашего бытия и осуществлять более конструктивную политику, соответствующую современным вызовам и критериям эмансипации.

Свобода человека – это тот дефицит, который не будет преодолен до конца никогда, а не только в обозримой перспективе. Это – абсолютное и принципиальное недостижимое совершенство (идеальная утопия, являющаяся прародительницей всех других социальных утопий). С этой точки зрения не бывает много или достаточно свободы. Каждое общество предоставляет человеку столько условий для свободного развития, сколько оно может себе это позволить. Но и человек несовершенен, попадая каждый раз в новые сети социума и поддаваясь воздействию его системных институтов или участвуя в игре анонимных социальных сил. Очарование образом жизни новой буржуазии с её утилитарными ценностями и потребительскими стандартами столь же обманчиво, как и увлечение большими проектами светлого будущего.

В заключение хочу выразить надежду на то, что у нового типа социального государства найдутся свои сторонники (столь же несовершенные, как и сама модель воображаемого ими

^{*} Так, например, до начала 2000-х гг. профессор российского вуза, имеющий ученую степень доктора наук и ученое звание профессора, имел 17 разряд, а ректор этого вуза – 18 разряд. Конечно, у ректора были специальные надбавки и премии вышестоящих ведомств, но в целом разрыв между ними не превышал трехкратный размер. С отменой ЕТС руководители вузов стали получать зарплату в десятки, а то и сотни раз больше, чем обычные преподаватели. Можно ли выжить профессору и его семье на зарплату в 40-50 тыс. рублей в месяц (а в отдельных регионах значительно меньше), сохраняя достойное его статусу качество жизни, – вопрос не только риторический, но и злободневный. При этом ректора отдельных государственных вузов получают сегодня миллионы рублей, о чем нередко можно встретить информацию в СМИ (см., например: <http://zarplatyinfo.ru/na-gossluzhbe/rektory-vuzov-zarplata-v-2015-2016-godu.html>). И этот факт можно объяснить только одним обстоятельством – стремлением правящего класса возродить и укрепить номенклатуру из числа руководителей корпораций и бюджетных учреждений, которая будет служить ему верой и правдой ради существенной прибавки к зарплате и получения других привилегий (специальное медицинское обслуживание, льготы и пр.).

будущего), способные осуществить широкомасштабные изменения, перестроить политическую и экономическую системы российского общества на принципах справедливости, солидарности и гуманизма, а тем самым подготовить почву для взращивания более совершенного будущего как вполне реализуемой гуманистической утопии. Им нужна не только гражданская решимость, но и готовность к революционной практике. Речь идет, конечно, о революции в сфере духа. И пусть мои читатели не ассоциируют наступление такого будущего с его рассветом на Западе. Последний при всех своих преимуществах и прогрессивных достижениях уже обнаружил контуры своего заката. Хочется верить, что будущее придёт к нам не оттуда и немного раньше, чем там. Ведь Солнце всходит, как известно, на востоке. И всё еще может быть.

Литература

- Гоулднер, 2003 – *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии: Пер. с нем. СПб.: Наука, 2003.
- Гранин, 2006 – *Гранин Ю.Д.* Глобализация и национализм // *Философские науки.* 2006. №7. С. 5-23.
- Гранин, 1994 – *Гранин Ю.Д.* Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль.* 1994. №2-3. С.32-39.
- Красовский, 2012 – *Красовский Ю.Д.* Организационное поведение. М.: Юнити-Дана, 2012.
- Миллс, 1998 – *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общ. ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд. Дом «Стратегия», 1998.
- Нерсесянц, 2000 – *Нерсесянц В.С.* Манифест о цивилизме (Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости). М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm>; дата обращения – 30.01.2019)
- Фурс, 2002 – *Фурс В.Н.* Контурсы современной критической теории. Мн.: ЕГУ, 2002.
- Хабермас, 1995 – *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМИ», 1995.
- Хайек, 1992 – *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992.
- Хоркхаймер, 2011 – *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011.

References

- Furs, 2002 – *Furs V.N.* (2002). Kontury sovremennoj kriticheskoj teorii [The contours of modern critical theory]. Mn.: EGU. [in Russian]
- Gouldner, 2003 – *Gouldner A.U.* (2003). Nastupayushchij krizis zapadnoj sotsiologii: Per. s nem. [The coming crisis of Western sociology: Trans. from german]. SPb.: Nauka. [in Russian]
- Granin, 1994 – *Granin Y.D.* (1994) Vlast' i ehkologicheskoe soznanie. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. pp. 32-39. [in Russian]
- Granin, 2006 – *Granin Yu.D.* (2006). Globalizaciya i nacionalizm. *Filosofskie nauki.* №7. pp. 5-23. [in Russian]
- Khabermas, 1995 – *Khabermas Yu.* (1995). Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lektzii i interv'yu [Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews]. M.: AO «KAMI». [in Russian]
- Khajek, 1992 – *Khajek F.* (1992). Pagubnaya samonadeyannost' [Pernicious arrogance]. M.: Izd-vo «Novosti» pri uchastii izd-va «Catallaxy». [in Russian]
- Khorkkhajmer, 2011 – *Khorkkhajmer M.* (2011). Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma [Mind eclipse. Criticizing the instrumental mind]. M.: Kanon+. [in Russian]
- Krasovskij, 2012 – *Krasovskij Yu.D.* (2012). Organizatsionnoe povedenie [Organizational behavior]. M.: Yuniti-Dana. [in Russian]
- Mills, 1998 – *Mills Ch.R.* (1998). Sotsiologicheskoe voobrazhenie [Sociological imagination]. Per. s angl. O.A. Oberemko. Pod obshch. red. G.S. Batygina. M.: Izd. Dom «Strategiya», 261 p. [in Russian]

[Nersesyants, 2000](#) – *Nersesyants V.S.* (2000). Manifest o tsivilizme (Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti) [The manifesto on civilism (The national idea of Russia in the world historical progress of equality, freedom and justice)]. M. [Electronic resource]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm> (data obrashcheniya: 30.01.2019) [in Russian]

Социальное государство: от несовершенного настоящего к совершенному будущему (опыт критической рефлексии)

Юрий Михайлович Резник ^{a, *}

^a Институт философии РАН, Российская Федерация

Аннотация. Социальное государство появляется в условиях капитализма с целью сглаживания классовых противоречий и поддержки неимущих слоев населения. Цель исследования – обоснование познавательных и проектных возможностей рефлексивно-критического подхода к пониманию данного государства как идеала и реальности. Автор доказывает, что социальным является не только то государство, которое защищает интересы людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, но и то, которое стремится поддерживать равновесие между разными группами, действуя в направлении достижения национального согласия и создавая соразмерные условия для свободного развития каждого человека независимо от его социальной принадлежности.

В статье дается обоснование критической теории как инструмента анализа социального государства. Она представлена автором как форма теоретической саморефлексии, разновидность революционной практики, деятельность по исследованию проблем (аналитическое моделирование) и проектированию. Последние две формы связаны с построением разных «критических моделей» социального государства, различающихся между собой ориентацией на прошлое/настоящее или будущее. В зависимости же от характера решаемых проблем автором выделяются три основных типа социальной государственности: минималистское государство, государство с развитой системой социальной защиты (или государство всеобщего благоденствия), государство личностного благоденствия. Каждому из них соответствует своя критическая модель, ориентированная либо на прошлое/настоящее, либо на будущее. При этом указанные временные координаты дополняются категориями совершенного и несовершенного, выражающими разную (соответственно – высокую и низкую) степень эмансипированности человека.

Критика реально функционирующего социального государства со стороны ведущих социальных теоретиков представлена автором в двух аналитических версиях: антисистемная критика А.У. Гоулднера, вскрывающая системные противоречия капитализма, его социальные пороки, и экзистенциальная критика Ю. Хабермаса, осуществляемая с позиций жизненного мира, смысложизненных интересов и ориентиров.

Далее автор, опираясь на критический анализ социального государства А. Гоулднера и Ю. Хабермаса, предлагает два варианта его критического моделирования в условиях российской действительности: критический анализ несовершенного настоящего (минималистское государство, сложившееся в современной России и обладающее рядом системных ограничений – ориентация преимущественно на прожиточный минимум и т.д.), и критическую модель несовершенного будущего (защищающее государство). В первом случае автор использует опыт антисистемной и экзистенциальной критики, а во втором – свое видение государства с развитой системой социальной защиты как проекта несовершенного будущего, на смену которому неизбежно придет более совершенное будущее (государство личностного благоденствия).

Однако на пути дальнейшего развития социального государства в России стоят «старые» болезни (бюрократический произвол, игнорирование конституционных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: reznik-um@mail.ru (Ю.М. Резник)

принципов и норм, несоблюдение и сворачивание социальных прав большинства граждан, рост социально-экономического неравенства, ценностный конфликт между основными группами и пр.). Российский проект социального государства опирается на критическую модель несовершенного будущего (защищающее государство), которое стало несовершенным настоящим и даже прошлым для многих развитых стран мира. В заключении автор предлагает конкретный перечень шагов, которые призваны ускорить переход к новой модели социальной государственности посредством прорыва в сферу трансцендентного («высшие» смыслы бытия) и установления гармоничного социального мира, приходящего на смену классовым компромиссам и играм анонимных социальных сил.

Ключевые слова: капитализм, социальное государство, типы социальной государственности, критическая теория, критическая модель, социальная проблема, аналитическое моделирование, проектное моделирование, экзистенциальная критика, антисистемная критика, системный мир, жизненный мир, практики, коммуникации, временные координаты (прошлое, настоящее и будущее), категории совершенного и несовершенного, эмансипация человека.